

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Сириология

Возникновение и развитие новых научных дисциплин всегда представляет большой интерес. К их числу следует отнести историю и историю культуры Ближнего Востока, изучение которых последние три десятилетия дали поистине поразительные результаты, раскрывающие неизвестные до того области знания. Достаточно назвать кумранистику, сабеистику, сириологию, заставляющих во многом пересмотреть проблемы истории древности и средневековья.

Развитие новых отраслей и направлений обусловлено открытием материалов, до того неизвестных, как, например, находки кумранских пещер или группы южноарабских надписей — сабейских, катабанских, химьяритских. Все это вызвало необходимость освоения палеографических особенностей этих находок, характера их языка, диалектов. Что же касается сирийского языка, то ему не уделяли должного внимания, несмотря на то что это язык, на котором говорили и писали не только в Сирии, но и в Византии, Иране и где он был вытеснен арабским языком лишь к XI в. Исследование исторических источников на сирийском языке поставило перед учеными много новых проблем.

В ИВ развилась целая группа ближневосточных дисциплин. Появились источники, до того неизвестные, не привлекавшиеся наукой. В связи с их изучением интересы исследователей сосредоточились на определенном хронологическом периоде истории. Кумранистика связана с первыми двумя столетиями христианской эры, сабеистика изучает материалы глубокой древности, химьяритская эпиграфика не переходит рубежа VI и VII вв., памятники сириологии наиболее интересны для истории средневековья.

Кабинет Ближнего Востока как самостоятельная единица в составе института числится с 1955 г., но дисциплины, которые стали предметом изучения в нем, имеют свою историю. Многие годы шла интенсивная подготовка кадров; ряд проблем стал занимать все более значительное место в общем

развитии востоковедения. В настоящее время созданы все условия для его дальнейшего развития.

Прежде всего это следует сказать относительно сириологии, которая заняла значительное место в общем составе ближневосточных дисциплин. В дореволюционной России было несколько центров, в которых изучали сирийский язык и его памятники (АН, Петербургский университет (ФВЯ), Духовная академия).

Профессор Д. А. Хвольсон положил начало изучению памятников на сирийском языке, который он освоил. Одной из причин, побудившей его заняться этим языком, были надписи на замечательных сиро-тюркских христианских надгробьях из Средней Азии, требовавшие расшифровки. Д. А. Хвольсон блестяще справился с этой задачей. Серия «Семиреченских надписей»¹, как он их назвал, привлекла внимание научного мира к этим замечательным памятникам эпиграфики, свидетельствующим о раннем проникновении христианства в Семиречье. Филологический интерес надписей заключался в воспроизведении древнего языка тюрков сирийскими буквами.

После кончины Хвольсона этим памятникам уделил внимание его ученик П. К. Коковцов.

Редактируя перевод «Истории сирийской литературы» Райта, Коковцов сделал к ней множество дополнений, указаний, чем положил начало изучению сироязычных памятников². Необходимо отметить, что, по общему мнению ученых, русское издание значительно превзошло английский подлинник многими дополнениями редактора-эрудита, библиографией, справками; оно способствовало более успешному проникновению в отечественное востоковедение сириологии. В частности, на ФВЯ университета П. К. Коковцов вырастил своего ученика и преемника по кафедре А. П. Алявдина. Открытия, сделанные Коковцовым, были связаны с работой над надписями, которые дали ему возможность написать новые страницы из области средневековой филологии³.

Вкус к изучению рукописей, их значение как уникальных памятников письменности и культуры, Коковцов в той или иной степени привил всем своим ученикам. Не занимаясь непосредственно сирийскими рукописями, он, однако, приветствовал первые опубликованные по нашим манускриптам сирийские тексты, как и описание рукописных сокровищ наших библиотек, считая это важной и нужной работой, требовав-

¹ Д. А. Хвольсон, Несторианские надписи из Семиречья, — ЗВОРАО, т. I, 1886, стр. 217—221.

² В. Райт, Краткий очерк истории сирийской литературы, СПб., 1902.

³ П. К. Коковцов, Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка, — ЗВОРАО, т. XVI, 1905, стр. 0190—0200.

шей, по его собственному выражению, «терпения и прилежания».

Коковцов вел также курсы по библеистике, эпиграфике и другим специальным дисциплинам в университете, передав позднее занятия по сирийскому языку А. П. Алявдину. А. П. Алявдин был также и сотрудником АМ, на его попечении находились сирийские рукописи⁴. Таким образом, традиция сириологических штудий, созданная П. К. Коковцовым, продолжалась в обоих научных центрах. Аудиторию, где читался сирийский, посещал проф. В. Н. Бенешевич, выдающийся специалист по истории канонического права, который благодаря этому сумел привлечь восточные материалы к своим основным — греческим⁵.

Ученицей акад. П. К. Коковцова была также Н. В. Пигулевская, окончившая в 1918 г. исторический факультет Бестужевских курсов и проходившая аспирантуру в университете (1918—1922), где она занималась по кафедре византиноведения у акад. А. А. Васильева и на Восточном факультете у акад. П. К. Коковцова, специализируясь по сириологии. Собрание рукописей АМ и ГПБ привлекли ее внимание. Пигулевская, будучи хранителем Отдела рукописей ГПБ (1922—1928), составила сводный каталог сирийских рукописей Ленинграда (опубликованный много позднее)⁶ и издала ряд таких уникальных текстов, как житие Кириака Иерусалимского, конец рукописи Сахдоны с колофоном, сиро-палестинский фрагмент, фрагменты из Турфана и Хара-Хото⁷. Это направление работ, продолжавшее традиции П. К. Коковцова, сохраняется в дальнейшем в кабинете Ближнего Востока и в работах тех, кто прошел сириологическую подготовку в университете (Л. Вильскер — ГПБ, Г. М. Глускина — ЛГУ). Исследования по сиро-тюркским текстам нашли свое продолжение в публикации уникального рукописного сиро-тюркского фрагмента из Хара-Хото и надгробий из Киргизии, прочитанных А. В. Пайковой (Кабинет Ближнего Востока⁸). Традиция П. К. Коковцова была продолжена и в работах А. Я. Борисо-

⁴ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 37; там же, ф. 4, оп. 4, № 839.

⁵ В. Н. Бенешевич, Новые данные для исторической географии Ближнего Востока (из греко-сирийского списка отцов Никейского I Вселенского собора), — ИКИАИ, т. 2, 1917—25 (1927), стр. 110—134.

⁶ Н. В. Пигулевская, Каталог сирийских рукописей Ленинграда, — ПС, 6 (69), 1960.

⁷ Н. П. Пигулевская, Le Martyre de saint Cyriaque de Jérusalem, — ROC, VI, 1929, стр. 305—356; ее же, Das Ende der Strassburger Sahdona-Handschrift, — «Oriens christianus», ser. III, Bd I, 1927, стр. 293—309; ее же, Fragments syriaques et syro-turque de Hara-Hoto et de Turfan — ROC, VIII, 1938, стр. 1—46.

⁸ Н. В. Пигулевская, Сирийский и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана, — СВ, 1940, № 1, стр. 212—234; «Эпиграфика Киргизии», Фрунзе, 1964, стр. 45—58.

ва (ЛГУ, Эрмитаж) по опубликованию рукописей и надписей, а за ним — К. Б. Старковой (Кабинет Ближнего Востока)⁹.

Н. В. Пигулевская много лет занималась исследованиями по истории Византии, пользуясь материалами на восточных языках. Ее докторская диссертация была посвящена византийской провинции Месопотамии и ее центру Эдессе¹⁰. В основу работы была положена сирийская хроника, составленная в первой четверти VI в. Русский перевод этого документа и его истолкование ввели в оборот византиеведов новый памятник. В то же время эта работа положила начало специальному изучению византийского города и городов Ближнего Востока вообще. Сирийские памятники V—VII вв. позволили тому же автору перевести и исследовать те из них, которые содержали сведения о далеком прошлом народов, населяющих Советский Союз, — славян и аваров, тюрков и эфталитов, армян и грузин¹¹. Их издание вызвало большой интерес и было премировано Отделением истории АН СССР.

Война прервала мирную жизнь нашей страны, но и в условиях блокады Ленинграда и в эвакуации работа ИВ продолжалась. Летом 1944 г. в Ленинград вернулась группа востоковедов во главе с акад. И. Ю. Крачковским, С. А. Козиным, А. П. Баранниковым и др. Тогда же началась систематическая подготовка специалистов-сириологов, которая широко велась до 1955 г. После этого года сирийский язык изучался лишь как дополнительный на кафедре арабской филологии.

Следующим этапом в работе Н. В. Пигулевской было исследование экономического состояния и военных столкновений между гегемонами Передней Азии¹², а затем вопрос о торговых и культурных связях Византии со Средним Востоком, в первую очередь с Индией, основной поставщицей шелка и пряностей в империю. Разработке этой темы способствовало привлечение ряда малоизученных греческих, латинских,

⁹ А. Я. Борисов, Список печатных работ в кн.: «Материалы и исследования по истории неоплатонизма на Арабском Востоке» (печ.) Следует выделить статьи: «Sur le nom Tankaloûchâ», — JA, 1935, fasc. II, Mélanges, стр. 300—305; «Эпиграфические заметки», — ТОВЭ, т. I, 1940, стр. 221—242; ЭВ, XV, 1963, стр. 51—57; «О значении слова „наус“», — там же, т. III, 1940, стр. 301—311; «Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении», — ВДИ, 1946, № 2, стр. 97—104; «Сирийская надпись на сосуде из Тараза», — ИАН КазахССР, 1948. Серия археологическая, вып. 1, (№ 46), стр. 105—108; «Собрание самаританских рукописей А. Фирковича» (Отделы VI, VIII), — ПС, 15(78), 1966, стр. 60—73.

¹⁰ Н. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V и VI веков, Л., 1940.

¹¹ Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941.

¹² Н. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, М.—Л., 1946.

сирийских памятников, которые дали возможность проследить морские и сухопутные дороги в Индию, а также определить представления той эпохи о Земле и Вселенной¹³. В этой книге особое положение заняла глава «Перепутье», посвященная роли Южной Аравии в международной торговле до VII в. н. э., для чего были впервые привлечены греческие агиографические источники и южноарабские надписи. Изучение последних стало специальной отраслью арабистики, успешно развиваемой как зарубежными, так и советскими учеными.

Широкий интерес вызвала работа Пигулевской о роли городов в истории средневекового Востока¹⁴. Изучение истории Византии и Ирана неизбежно привело к необходимости выяснить роль арабов — третьей силы на Ближнем Востоке, их участие в жизни великих держав, уровень их социального и культурного развития¹⁵.

В Кабинете Ближнего Востока по-прежнему продолжала развиваться сириология. Углубленным грамматическим исследованиям с привлечением рукописей и сравнительного материала других языков занималась Р. Г. Рылова. Ею была издана и защищена в качестве кандидатской диссертации книга «Грамматика сирийского языка Ильи Тирханского»¹⁶, содержащая перевод и комментарии трактата автора XI в., которые позволили установить теоретические взгляды сирийцев на строй их языка, зависимость от теории Аристотеля и греческих грамматиков, с одной стороны, и связь с грамматическими воззрениями арабов — с другой. В настоящее время Р. Г. Рылова составляет грамматику сирийского литературного языка.

А. В. Пайкова проделала большую работу по переводу и анализу древнейшей сирийской версии сборника сказок «Калила и Димна», выяснению времени переводов первой и второй версий, их прототипов, сравнению их по содержанию и по языку. Ее диссертация стала новым этапом в изучении этого замечательного памятника — «зеркала князя»¹⁷. Ей принадлежат главы по истории сирийской литературы в общей истории восточных литератур.

В Баку работает Р. А. Гусейнов, прошедший аспирантуру при Кабинете Ближнего Востока. Им изданы книга «Сирий-

¹³ Н. Пигулевская, Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951.

¹⁴ Н. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1955; N. Pigulevskaja, Les villes de l'État iranien aux époques Parthe et Sasanide, Paris, 1963.

¹⁵ Н. В. Пигулевская, Арабы у границ Ирана и Византии в IV—VI вв., М.—Л., 1964.

¹⁶ Р. Г. Рылова, Грамматика сирийского языка Ильи Тирханского, XI в., — ПС, 14(77), 1965.

¹⁷ А. В. Пайкова, Древнесирийская версия сборника «Калила и Димна» и ее значение, Автореферат, Л., 1967.

ские источники XII—XIII вв. об Азербайджане»¹⁸ и ряд статей, которые продолжают традицию изучения сирязычных памятников в связи с историей народов СССР. Им подготовлена также большая работа по истории сельджуков в Закавказье¹⁹. В Баку работает также другой специалист, Аскер Сулеймани, закончивший аспирантуру под руководством Н. В. Пигулевской и защитивший диссертацию на тему о частном праве и семейных отношениях в сасанидском Иране в связи с движением маздакитов²⁰.

В Матенадаране (Ереван) над сирийскими рукописными материалами работает прошедший аспирантуру в ИВ Гайк Мелконян, защитивший диссертацию на тему о сиро-армянских культурных связях в раннем средневековье²¹. Таким образом, сириологические штудии вышли за пределы Ленинграда и нашли себе место в научных центрах союзных республик.

Следует отметить, что сирийская народная литература, путешествия, фольклор в русском переводе завоевали себе место на книжных полках читателей²².

Как тематика, так и источники, которые ввела в научный оборот, использовала или перевела Н. В. Пигулевская, не только вызвали интерес, но и послужили толчком к их дальнейшему изучению. Так, главы работы «Города Ирана» побудили А. Г. Бокщанина развить тему о селевкидском Иране, которая стала его докторской диссертацией²³. Значение маздакитского движения, освещенное Н. В. Пигулевской, позволило проф. О. Клима (Прага) вернуться к этому вопросу²⁴.

Плодотворным оказалось исследование пехлевийского судебного Матикан-и-хазар датастан в связи с сирийским юридическим сборником Ишобохта²⁵. В ЛО ИНА эта работа

¹⁸ А. В. Гусейнов, Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане, Баку, 1960.

¹⁹ А. В. Гусейнов, Сельджуки в Закавказье. Автореферат докт. дисс., Баку, 1969.

²⁰ А. Ю. Сулеймани, Маздакитское движение и вопросы семьи. Автореферат, Баку, 1963.

²¹ Г. Мелконьян, Армяно-сирийские связи в III—V вв. (автореферат), Ереван, 1967.

²² Н. В. Пигулевская, История Мар Ябаллахи III и раббан Саумы, М., 1958; «Абульфарадж. Книга занимательных историй». Перевод с сирийского А. Белова и Л. Вильскера, М., 1957, М.—Л., 1961; ее же, От Ахикара до Джано. Перевод с сирийского А. Белова и Л. Вильскера, М.—Л., 1960.

²³ А. Г. Бокщанин, Парфия и Рим., М., 1960; его же, Парфия и Рим (Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира), М., 1966.

²⁴ О. Klima, Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sassanidischen Persien, Praha, 1957.

²⁵ N. Pigulevskaja, Die Sammlung der syrischen Rechtsurkunden des Ischobocht und der Matikan, — «Vortrag auf dem XXIV Internationalen Orientalistenkongress», Moskau, 1957; Н. Пигулевская, Города Ирана, стр. 122—137; N. Pigulevskaja, Les villes de l'Etat iranien..., стр. 102—111.

получила развитие в трудах переводчицы Матикана на русский язык А. Г. Периханян.

Как частность большой темы о роли городов Ближнего Востока стал ранневизантийский город, который изучал на материалах об Антиохии Г. Л. Курбатов²⁶. За эту работу ему была присуждена степень доктора исторических наук. Переходный период в истории сиро-финикийских центров, когда стала замирать полисная организация, а в Пальмире, Петре, Гераше нарождались ростки новых отношений, стал изучать И. Ш. Шифман.

Автор двух книг и ряда статей, И. Ш. Шифман готовит свою докторскую диссертацию.

Наряду с тематикой сотрудников кабинета привлекли к себе живейшее внимание не только советских, но и зарубежных ученых также и использованные ими источники. Так, «Топография» Козьмы Индикоплова (см. «Византия на путях в Индию») с его полемикой против александрийского философа Иоанна Филопона стала предметом специального исследования и докторской темой Ванды Вольской (Сорбонна, Париж)²⁷. Памятники IV в. и замечательные итинерарии были переизданы и исследованы Руже²⁸.

Кандидатская диссертация А. Г. Лундина «Южная Аравия в VI в.» тесно связана с главой из вышеупомянутой монографии Пигулевской «Перепутье»²⁹. В дальнейшем внимание исследователя было сосредоточено на древнем периоде истории Сабейского государства, тем более что А. Г. Лундин опубликовал группу надписей, привезенных Глазером и хранящихся в Академии наук Австрии, на основании которых, как и других ранее известных памятников эпитафии, автор предложил хронологическую систему эпонимата древнего царства царицы Савской³⁰. Этот труд лег в основу докторской диссертации А. Г. Лундина «Государство мукаррибов Саба»³¹.

В настоящее время названная выше монография Н. В. Пигулевской «Византия на путях в Индию» вышла вторым изданием с дополнениями в немецком авторизованном перево-

²⁶ Г. Л. Курбатов, Ранневизантийский город (IV—VI вв.): Антиохия IV—VI вв. и основные проблемы внутреннего развития города, Л., 1966 (автореферат).

²⁷ Wolska Wanda, La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes Théologie et science au Vls., Paris, 1962.

²⁸ J. Rougé, Expositio totius mundi et getium. Sources chrétiennes, № 124, Paris, 1966.

²⁹ А. Г. Лундин, Южная Аравия в VI веке н. э.,—ПС, вып. 8, 1961.

³⁰ А. Г. Лундин, Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Halil),—«Sammlung E. Glaser». V. Wien, 1965 (SBAW, Bd 248, Wien).

³¹ А. Г. Лундин, Государство мукаррибов Саба' (Сабейский эпонимат), М., 1971.

де в издательстве Академии наук Берлина³². Научный сотрудник Кабинета Ближнего Востока А. И. Колесников занимается изучением сасанидского Ирана накануне завоевания арабами³³. Вслед за этой темой А. И. Колесников разрабатывает историю завоеваний арабами Ирана на основе пехлевийских и арабо-персидских источников, которые он с успехом привлек уже в своей диссертации.

С 1958 г. Кабинет Ближнего Востока с сотрудниками других кабинетов ЛО объединил межведомственную группу византистов Ленинграда, в которую вошли специалисты по истории, литературе и искусству Византии из ЛО ИИ и БАН, ЛГУ, Государственного Эрмитажа, ГПБ. Утвержденная академиком-секретарем и Бюро Отделения истории АН группа систематически собирается, обсуждает работы своих членов, дает отзывы и представляет диссертации к защите.

Научный сотрудник Государственного Эрмитажа В. С. Шандровская успешно защитила диссертацию на степень кандидата филологических наук и работает над исследованием византийских печатей.

Следует отметить, что Кабинет Ближнего Востока является научным центром, достаточно известным за рубежом. Сотрудники кабинета обмениваются книгами и статьями с зарубежными учеными, печатают свои работы в периодических изданиях Франции, Бельгии, Англии, Австрии, ГДР, ФРГ, ЧССР, Ирака, АРЕ, Ирана, Японии.

Ряд зарубежных ученых посетили кабинет, читали на заседаниях доклады, делали сообщения; со своей стороны сотрудники кабинета оказывали помощь в разыскании библиографических справок, книг, давали консультации по рукописным собраниям Ленинграда.

Кабинет и все, кто примыкает и тяготеет к его тематике и разрабатываемым им научным проблемам, являются авторами статей и монографий, которые печатаются в «Палестинских сборниках». Палестинское общество объединяет специалистов по Ближнему Востоку, работающих в области древней и средневековой истории, истории культуры и филологии, его сборники широко охватывают египтологию и коптологию, византиноведение и сириологию, арабистику и сабеистику. Планомерно и систематически издаваемые сборники являются организующим началом, тем более что в них печатаются работы как известных ученых, так и начинающих, молодых, впервые выступающих в печати исследователей.

³² N. Pigulevskaja, *Byzanz auf den Wegen nach Indien*, Akademie-Verlag, Berlin, 1969.

³³ А. Н. Колесников, *Иран накануне арабского завоевания* (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Автореферат канд. дисс., Л., 1969.